Освенцим - лагерь смерти!

Им было восемь, а кому-то десять…
Но век их стал короче дня.
Им не давали наглядеться,
Гоняли голодом моря.

Вагоны. Рампа. Свет слепящий.
И взгляд, решающий: “Жить? Нет”.
И номер, в кожу уходящий,
Как в тело входит тьма и свет.

Вот девочка сжимает руку
Той, кто роднее всех на свете.
А после следует разлука
И мать уходит в дым и ветер.

Здесь детство кончилось. Навечно.
Здесь кукла - пепел, хлеб - мираж.
Кровь стынет в жилах бесконечно,
И смерть стоит и всюду мрак.

Кто-то шепчет, кто то стонет,
В ночи, за шторкой из тряпья.
И кто-то прячет цвета крому,
Чтоб не забыть: “Я - это я”.

А где-то врач, фашистский брат,
Детей считает, будто скот,
И забирает для солдат,
Их кровь, как будто то компот.

Январь. Снега. Гул канонады.
Последний марш, где каждый шаг -
Скрежет костей и взгляд досадный,
И красный снег, как вечный знак.

И тишина… освобождение,
И слезы счастья на глазах,
В сердцах затеплилась надежда,
И позади весь тот кошмар.

Дальше - долгий путь “обратно”.
Объятия мамы, тишина,
Мир стал добрей, он стал понятней,
Но лагерь в сердце навсегда.

Хоть жизнь течет своей рекой,

Учеба, игры, все как было,
Но основание, та боль,
Которую не позабыли.

В тетради старой - простой список:
Солдат, подснежник, лунный свет.
И вывод, умный, чистый:
“Жизнь - имя, а не номер, нет.

Они уходят, те свидетели.
Всё тише слышно их шаги.
Но след здесь их заметили,
Они живут, их голоса слышны.

Мы - продолжение их и эхо,
Их крик, не канет что в веках.
Пока храним мы в сердце веху -
Освенцим жив в наших глазах.

Мы помним все, мы не забудем,
От нас уже ничто не скрыть,
И не стереть, все помнить будем,
За нами правда! Будем жить!